

УДК 316.74

DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-4

Гаджимурадова Г. И. | Этнорелигиозные аспекты миграционных процессов

Институт социально-политических исследований РАН
ул. Фотиевой 6, стр. 1, г. Москва, 119333, Россия
Кафедра демографической и миграционной политики МГИМО МИД РФ
пр-т Вернадского, 76, г. Москва, 119454, Россия
gadzhimuradova7@gmail.com
ORCID iD: 000-0003-3080-1813

*Статья поступила 20 ноября 2019 г.; Принята 10 декабря
Опубликована 30 декабря*

Аннотация. Статья посвящена этнорелигиозным аспектам миграционных процессов на примере последствий миграционного кризиса 2014-2016 г. в Европе и миграционной ситуации в России. На примере Германии, Франции, Великобритании и России автор дает анализ демографической и миграционной ситуации. Особое внимание уделено проблеме интеграции мусульман в Европе и в России. Автор сравнивает жизненные установки иммигрантов-мусульман в Европе и в России. Чем может грозить плохая интеграция иммигрантам, как этим пользуются вербовщики радикальных религиозных течений и что им можно противопоставить. Автор приводит официальные статистические данные и данные независимых статистических центров по прогнозу численности иноконфессиональных иммигрантов в Европе. В статье предлагается компаративный анализ ситуации в Европе и России с иммигрантами и их интеграцией в принимающее общество. В чем разница между мусульманскими сообществами в России и в Европе и каковы перспективы разрешения миграционного кризиса. Существует ли в России проблема с самосегрегацией мусульман, как в Европе? Автор анализирует связь между неконтролируемой иммиграцией и проблемой безопасности в России и Европе. Также в статье приводится подробный анализ литературы по данной проблеме как российских, так и зарубежных ученых. Европа также, как и Россия испытывает демографические проблемы, а поэтому остро нуждается в трудовых мигрантах. Возможен ли баланс между решением демографической проблемы, проблемы безопасности и интеграцией иноконфессиональных иммигрантов и почему политика мультикультурализма не оправдала ожиданий европейцев? Какие аспекты миграционной политики наиболее успешных стран можно применить в России? Автором сделана попытка осветить эти и другие вопросы этнорелигиозных аспектов современных миграционных процессов.

Ключевые слова: иммиграция; мусульманские сообщества; Европа; ислам; Россия; мусульмане; терроризм; экстремизм.

Информация для цитирования: Гаджимурадова Г. И. Этнорелигиозные аспекты миграционных процессов // Научный результат. Социология и управление. 2019. Т. 5, № 4. С. 37-46. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-4

Gul'nara I. Gadzhimuradova | Ethnoreligious aspects of migration processes

Institute of Socio-Political Research, Russian Academy of Sciences
bld. 1, 6 Fotieva St., Moscow, 119333, Russia
MGIMO University of the MFA of Russia
76, Vernadskogo Prospect, Moscow, 119454, Russia
gadzhimuradova7@gmail.com
ORCID iD: 000-0003-3080-1813

Received on November 20, 2019; Accepted December 10, 2019

Published December 30, 2019

Annotation. The article is devoted to the ethno-religious aspects of migration processes as an example of the consequences of the migration crisis of 2014-2016 in Europe and the migration situation in Russia. On the example of Germany, France, Great Britain and Russia, the author gives an analysis of the demographic and migration situation. Particular attention is paid to the integration of Muslims in Europe and in Russia. The author compares the life attitudes of Muslim immigrants in Europe and in Russia: what threats can poor immigrants face, how recruiters of radical religious movements can take advantage of this and what can be opposed to them. The author provides official statistics and data from independent statistical centers on the forecast of the number of Muslims in Europe. The article offers a comparative analysis of the situation in Europe and Russia with immigrants and their integration into the host society. What is the difference between Muslim communities in Russia and Europe and what are the prospects for resolving the migration crisis? Is there a problem with self-segregation of Muslims in Russia, as it can be seen in Europe? The author analyzes the relationship between uncontrolled immigration and the security problem in Russia and Europe. The article also provides a detailed analysis of the literature on this issue by both Russian and foreign scientists. Europe, like Russia, is experiencing demographic problems and therefore is in dire need of labor migrants. Is there a balance between solving the demographic problem, the security problem and the integration of immigrants from Arab-Muslim countries, and why did the multiculturalism policy not meet the expectations of Europeans? What aspects of the migration policy of the most successful countries can be applied in Russia? The author makes an attempt to highlight these and other issues of ethno-religious aspects of today's migration processes.

Keywords: immigration; Muslim communities; Europe; Islam; Russia; Muslims; terrorism; extremism.

Information for citation: Gadzhimuradova G. I. (2019), "Ethnoreligious aspects of migration processes", *Research Result. Sociology and management*, 5(4), 37-46. DOI: 10.18413/2408-9338-2019-5-4-0-4

Введение (Introduction). Миграция населения является сложным по природе, многообразным по формам и последствиям процессом, включающим в себя в том числе этнорелигиозный компонент. Опыт

анализа межнациональных отношений показывает, что непонимание и конфликты чаще возникают и острее проявляются в полиэтничных обществах. А учитывая, что население большинства стран мира поли-

этнично, практически все государства в той или иной степени сталкиваются с проблемами межэтнических и межконфессиональных взаимоотношений.

В связи с усилением миграционных процессов в современном мире особое значение приобретает изучение проблем, связанных с этническими и религиозными векторами миграционной политики большинства стран.

Фонд ООН в области народонаселения ЮНФПА (United Nations Population Fund¹) и Всемирная книга фактов ЦРУ² приводят приблизительно одинаковые коэффициенты рождаемости³, где видно, что в странах с низким уровнем жизни (преимущественно это страны с мусульманским населением) достаточно высокая рождаемость. Низкий уровень жизни, избыток трудовых ресурсов, гендерный дисбаланс в сторону избытка мужского населения являются идеальными условиями для последующей миграции в страны с более высоким уровнем жизни.

Современные миграционные процессы, независимо от типов, видов, а также причин неизменно приводят к этническим и конфессиональным изменениям в структуре населения, а также, как показал опыт последних лет, связанный с миграционным кризисом 2014-2016 годов, и к межконфессиональной напряженности. Справедливо замечено, что «современная миграционная волна еще более усиливает дезинтеграционные тенденции и конфликтность, обусловленные разнообразием» (Цапенко, Монусова, 2018).

Сегодня одним из динамично растущих этноконфессиональных сообществ в мире, которые проживают вне своих стран, являются мусульманские сообщества, представленные мигрантами из стран Юго-Восточной и Средней Азии, стран Ближне-

го Востока и Северной Африки. Они представляют разные этносы со своими традиционными установками, но их объединяет мощный консолидирующий фактор – религия. Рост численности мусульманских общин, в основном проживающих в таких странах Европы, как Великобритания (Юго-восточная Азия), Германия (Ближний Восток), Франция (Северная Африка), Россия (Средняя Азия) существует благодаря стабильному миграционному приросту и расширенному режиму воспроизводства, который характерен для иммигрантов-мусульман особенно в первом и втором поколениях. В третьем поколении количество рождений в семье чаще всего приближается к стандартам коренного населения).

Это привело к формированию во многих странах Европы значительных по своей численности и влиянию мусульманских общин.

Статья ставит целью; а) анализ миграционных процессов в Европе и в России в современную эпоху; б) выявление роли этно-религиозного фактора при формировании интеграционной политики и в) предложение мер по предотвращению появления этнических анклавов и радикализации иммигрантских сообществ.

Методология и методы (Methodology and methods). Кризис беженцев 2014-2016 годов явился катализатором еще большей обособленности этих сообществ от принимающего общества. Точная численность мусульман еще плохо представлена, но несомненно, что мусульманские общины стали важным фактором, определяющим рост населения в основных странах ЕС.

Данные Комиссии по демографии Совета Европы прогнозируют уменьшение людей европейского происхождения к 2050 году. Вместе с тем население Европы стремительно стареет. Если население Европы в 2000 г. насчитывало 728 млн.чел., то к 2050 г., при нынешней демографической ситуации и без учёта иммиграции, оно будет насчитывать 600 млн.чел. Таким

¹<http://www.un.org/ru/ecosoc/unfpa/>

²<https://www.cia.gov/library/publications/the-world-factbook/rankorder/2054rank.html>

³Коэффициент рождаемости сравнивается с среднегодовым числом рождений в течение года на 1000 человек среди населения в середине года; также известный как сырая рождаемость.

образом, Европа может потерять одну треть своего населения. На растущую численность мусульман в своем исследовании указывает и Pew Research Center (Pew Research, 2017)⁴. По самому «высокому» сценарию при существующей миграции мусульмане могут составить 14% населения Европы к 2050 году – почти в три раза больше нынешней доли, но все же значительно меньше, чем население как христиан, так и людей, не исповедующих никакой религии.

В последний раз столь значительное сокращение европейского населения наблюдалось только во время эпидемии чумы в 1347-1352 гг. Особенно серьезной представляется ситуация в Германии, где по самым худшим прогнозам население страны может сократиться с 82 до 59 млн человек к 2050 году. Но доля населения с иммиграционным фоном преимущественно из мусульманских стран увеличится с 3% до 6% от общей численности населения. По предварительным прогнозам, доля мусульманского населения в Германии может возрасти до 5,8 млн. человек к 2050 г. (против 4,3 млн. человек в 2014 г.).

По мнению Гашкова И. «демографические прогнозы для Европейского союза основываются на трех вариантах развития событий. Согласно наименее вероятному, победу одержат сторонники жестких мер. Но закрытие границ, которого они требуют, скорее всего, не позволит переломить ситуацию. Доля коренного населения при уровне рождаемости 1,6 ребенка на одну женщину будет сокращаться, а исламского – расти за счет уже приехавших в Европу мусульман, поскольку в этой социальной группе одна женщина в среднем рождает 2,6 ребенка» (Гашков, 2017).

В действительности численность иммигрантов-мусульман может превышать данные прогнозов при сохранении иммиграции на уровне 2015-2016 годов, а также сохранении высокого уровня рождаемости

в мусульманских общинах. Таким образом, рост численности мусульман будет опережать рост численности автохтонного населения Германии. Мусульман в Европе будет становиться больше и по отношению иностранного населения из немусульманских стран. На этом фоне наблюдается увеличивающийся с каждым годом рост числа мечетей и молельных домов. По мнению Е. В. Пинюгиной «строительство мечетей воспринималось скорее, как завершающий этап интеграции ислама, показывающий мусульманам, что они здесь свои, такие же, как все. Но с ростом числа мечетей и школ (по изучению авт.) Корана религиозная идентичность мусульман, особенно молодежи, посещающей такие учреждения, стала укрепляться и влиять на отношение к социализации» (Пинюгина, 2018).

Справедливо отмечено, что «В современной Европе на смену религиозной системе ценностей пришла секулярная, сменился приоритет ценностных установок с религиозных на светские. В основе европейской идентичности лежат уже не христианские, а так называемые европейские ценности» (Гаджимурадова, 2017). И мусульмане, для которых религия, традиционная система ценностей – это образ жизни, не готовы принять новую ценностную парадигму.

Как пишет И. П. Добаев «прибывшие в западные страны мусульмане, как оказалось, живут по законам своей культурной идентичности, а не по законам общеевропейского гражданского общества. Потому что культурная и религиозная идентичности намного серьезней, фундаментальней и глубже, чем нормативы и коды гражданского общества» (Добаев, 2015). По мнению А. Пономаревой, «говорить о совпадении культурного кода у представителей западного общества и мусульманских общин очевидно преждевременно. При этом ожидания второго и третьего поколения иммигрантов значительно превышают их реальные возможности самореализации, что обуславливает общую агрессивность

⁴<https://www.pewforum.org/2017/11/29/europes-growing-muslim-population/>

молодых мусульман и препятствует их полноценной интеграции» (Пономарева, 2007).

Г. Хайнзон в своей книге «Сыновья и мировое господство» объясняет явление, которое породило волну терроризма и экстремизма по всему миру (Heinsohn, 2003). По его мнению, всплеск насилия имеет место в тех обществах, где количество молодых мужчин в возрасте от 15 до 29 лет составляет больше 30% от общего числа населения. И если это сопровождается социально-экономическими проблемами в стране, то «парад революций» и волны насилия неизбежны. О взаимосвязи миграции и безопасности на примере ситуации в Финляндии в период миграционного кризиса 2014-2016 годов рассуждает в своей работе Й. Вирккунен (Virkkunen, 2018). Действиям стран Евросоюза в условиях миграционного кризиса и противодействии угрозам безопасности граждан стран еврозоны посвящена работа Пиньол-Хименес (Pinyol-Jiménez, 2016). Д. Л. Сэм в своей статье «Understanding positive immigrant youth adaptation in the context of multiculturalism» (Понимание позитивной адаптации иммигрантской молодежи в контексте мультикультурализма) поднимает вопросы аккультурации и развития мультикультурализма среди иммигрантской молодежи (Sam, 2018). Л. Родин в своем исследовании определяет границы интеграции и вводит понятие «гражданская интеграция» (Rodin, 2017).

Научные результаты и дискуссия (Research Results and Discussion). Миграционный кризис 2015 г. стал серьезным испытанием для немецкого общества, резко усилив в нем поляризацию позиций по вопросу об отношении к инокультурным переселенцам. С одной стороны, значительная часть немцев и структур гражданского общества оказали огромную поддержку прибывшим в страну беженцам, стали волонтерами, выступавшими и участвовавшими в инициативах, призванных облегчить их тяготы. С другой стороны, часть общества сдержанно или отрица-

тельно восприняла наплыв миллионной массы мигрантов; произошел всплеск правого экстремизма и антимиграционной риторики (Бардин, 2018).

По данным исламского информационного портала, «в Германии с 2000 г. было закрыто более 400 католических церквей и более 100 протестантских. С 1990 г., по данным Евангелической церкви Германии, по меньшей мере 277 протестантских церквей были проданы или снесены. В стране действуют сотни мечетей, еще более 120 находятся на стадии строительства»⁵. Факты превращения методистских, лютеранских и католических церквей в мечети в последние годы имели место в Берлине, Дортмунде и Мёнхенгланббахе.

Подобная ситуация распространена не только в Германии, но и в большинстве стран современной Европы. К примеру, во Франции только за период с 1990 по 2015 гг. численность мусульман выросла с 5,9 млн. до 7,8 млн. человек⁶, что составляет от 8% до 10% общей численности населения страны.

Можно констатировать тот факт, что за последние 40 лет численность мусульман во Франции значительно возросла, прежде всего, за счет иммиграции. И сегодня Франция является первой европейской страной с самой многочисленной мусульманской общиной, которая составляет 43% от численности иностранного населения страны.

Иммиграционные потоки во Франции представлены в основном выходцами из стран Магриба, в прошлом бывших колониями этой страны. Затем потянулись мигранты из зон военных конфликтов, а также политические беженцы и пр. Благодаря иммигрантам из бывших колоний (Алжира, Туниса и Марокко) численность иностранного населения Франции за несколько десятилетий выросла примерно на 1 млн. человек. Кроме того, во Франции ста-

⁵<http://www.islam.ru/news/2015-09-04/34624>

⁶Рассчитано на основании: Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin. United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2015 (www.un.org)

ла родным домом для целого поколения детей иммигрантов, которые переселились сюда в 1960-1970-е гг. Социально-демографическая структура мусульманской иммиграции во Франции тоже претерпела изменения: из практически мужской иммиграции прежде, она стала более семейной⁷. Известно, что «в мусульманском праве действует установка на патриархальность, где доминирующим фактором является воля отца и большинством прав обладают мужчины» (Гаджимурадова, 2016). Поэтому «новые граждане» в стране приема пытаются сохранять традиционные установки, принятые у себя на родине, что не способствует их скорой интеграции.

В связи с ростом мусульманских общин наблюдаются две тенденции, одна из которых имеет интегрирующую, а другая – дифференцирующую направленность. Интегрирующая заключается в необходимости интеграции посредством включенности на всех уровнях (социальном, культурном, политическом, экономическом и т.п.) в жизнь принимающего общества, а дифференцирующая – во все более усиливающейся самосегрегации сообществ.

Распространением ислама и расширением исламской религиозной инфраструктуры во Франции занимались мусульманские общины, численность которых увеличивалась за счет иммиграции и высокой рождаемости. Большую роль в распространении и закреплении ислама во Франции сыграла финансовая поддержка Саудовской Аравии и Ливии во второй половине 1970-х гг., что привело к значительному проникновению ислама во всех его проявлениях в повседневную жизнь французов. В настоящее время во Франции действует пять «соборных» (основных) мечетей (в Париже, Лионе и Марселе), а также более 1500 обычных мечетей. В стране работают свыше 2000 исламских ассоциаций, религиозных и культурных

центров, а также филиалы различных исламских политических партий и движений. Широко развита сеть магазинов, где торгуют халяльной продукцией, имеются национальные кафе и рестораны.

В Великобритании также за последние 25 лет (с 1990 по 2015 гг.) численность иностранного населения увеличилась с 3,7 млн. до 8,5 млн. человек. Здесь мусульманские общины формировались преимущественно выходцами из стран Южной Азии, Ближнего Востока и Африки. Для примера, численность выходцев из Пакистана за указанный период выросла более, чем в два раза (с 228,3 до 540,5 тыс. человек), выходцев из Турции – почти в четыре раза (с 25,9 до 100,9 тыс. человек), Афганистана – с 2,1 до 68,3 тыс. человек, Ирака – с 15,2 до 80,9 тыс. человек, Ирана – с 31,6 до 91,1 тыс. человек⁸. Иммигранты-мусульмане в Великобритании сконцентрированы, в основном, в крупных городах. Наиболее высок процент мусульман в Лондоне (около 38% мусульманского населения страны), в Уэст-Мидлэндсе они составляют (14%), Северо-Западном регионе (13%), Йоркшире и Хамбаре (в общей сложности 12%), в Германии, во Франции и в Великобритании для мусульман характерен меньшим медианный возраст по сравнению с коренным населением. Они предпочитают компактное расселение, образуя своеобразные анклав, или гетто.

Миграционный кризис 2014-2016 годов обнажил и проблему радикализации ислама в Европе. Вместе с беженцами и под видом беженцев на территорию стран ЕС проникли радикальные исламисты, задачей которых являлась вербовка новых членов для ИГИЛ (организация запрещена на территории РФ) и подготовка резонансных террористических атак на территории европейских государств. Рост численности радикальных мусульман закономерно привел к эскалации насилия, религиозного экстремизма и терроризма в Европе. «По

⁷Авт. Доля мужчин среди иммигрантов из перечисленных выше стран составляла около 52% вплоть до событий кризиса беженцев 2014-2015 гг.

⁸Рассчитано на основании: Trends in International Migrant Stock: Migrants by Destination and Origin. United Nations database, POP/DB/MIG/Stock/Rev.2015 (www.un.org)

данным расследования журналистов британской газеты Sunday Express, более 4 тысяч боевиков ИГИЛ (запрещена в России) могли попасть в Европу под видом беженцев. Они вместе с беженцами прибывают в турецкие города Измир и Мерсин, а откуда через Средиземное море попадали в Италию, а после отправлялись в Германию, Францию, Бельгию, Нидерланды, Швецию» (Гаджимурадова, 2016). Поэтому «из-за резкого роста террористических угроз и особенно их реализации исламистами в 2015-2018 гг. во Франции, Бельгии, Великобритании, Швеции, ФРГ, Испании и России большинство населения европейских стран видит в беженцах потенциальных террористов» (Цапенко, Монусова, 2018).

Молодые мусульмане-иммигранты активно вовлекаются в террористическую деятельность, не сумев интегрироваться в новое общество, не зная языка и не имея перспектив найти подходящую работу. Часто именно они выступают с протестами в пригородах Парижа и других европейских городов, проявляют акты насилия и неповиновения стражам порядка, нападением на них, поджогами и угонами автомобилей, погромами магазинов.

Важным фактором радикализации мусульман в Европе является их социальная исключенность. Этим пользуются радикальные проповедники, предлагая им путь радикального или, как они говорят, «правильного ислама». По мнению С. А. Ланцова, «исламский экстремизм, как и любая другая разновидность политического экстремизма, означает приверженность крайним, преимущественно насильственным средствам достижения целей. Среди этих средств центральное место занимают террористические акции» (Ланцов, 2013). Из Бельгии и Франции с началом боевых действий в Сирии, в районы боевых действий выехало большое число граждан мусульманского вероисповедания. По возвращении они становились участниками террористических атак на территории своих стран. Например, убийство возле Ев-

рейского музея, совершенное в 2014 г. гражданином Бельгии, приехавшим после джихада из Сирии. Теракты 2015-2016 гг. в Париже и Брюсселе являются звеньями этой цепи.

Для Российской Федерации также, как и для Европы, характерна иммиграция из других стран. Страна-донорами для России, в основном, являются республики бывшего Советского Союза. Но основными «поставщиками» иммигрантов для нашей страны в настоящее время являются страны Центральной Азии. Формирование потоков трудовой миграции, в Россию, обусловлено действием, в основном, экономического фактора, который связан со спадом производства в этих странах, низким уровнем заработной платы, высоким уровнем безработицы, отсутствием рабочих мест, распространением бедности, избытком трудовых ресурсов.

В Российской Федерации на протяжении 1990-2010-х годов произошло сокращение численности трудоспособного населения, что обострило дефицит трудовых ресурсов на внутреннем рынке труда, усилило конкуренцию за трудовые ресурсы, активизировало трудовую миграцию из посылающих стран. Демографическая ситуация в странах Центральной Азии, для которых характерен избыток трудовых ресурсов, выглядит кардинально противоположной. По данным Миграционной службы МВД РФ только за январь-март 2017 года в страну въехали и поставлены на учет 407963 граждан Таджикистана, из них 202949 приехали с целью трудоустройства; 192750 граждан Кыргызстана, из них 89061 с целью трудоустройства в России; 775692 граждан Узбекистана, соответственно 391942 готовы работать в РФ⁹. Прогнозы свидетельствуют о том, что к 2050 году численность населения трудоспособного возраста в странах Центральной Азии увеличится. Это приведет к тому, что даже при ускоренном развитии

⁹<https://xn--b1aew.xn--p1ai/Deljatelnost/statistics/migracionnaya/item/10097217>

экономики этих государств все трудоспособное население в них не сможет быть трудоустроено.

Несмотря на то, что мигранты, прибывающие в Россию из Средней Азии, в основном исповедуют ислам, проблем, связанных с появлением анклавов пока не наблюдается, но не подлежит сомнению, что с увеличением численности иммигрантов, будут появляться своего рода этнические кварталы. Однако ислам в России традиционная религия, поэтому здесь нет кардинального противопоставления на «свой»-«чужой» по признаку конфессиональной принадлежности. Хотя необходимо отметить, что в России есть еще проблемы, связанные с интеграцией мигрантов инокультурной принадлежности, особенно среди молодежи.

После распада Советского Союза полиэтничные общества, оказались без мощного регулятора межнациональных и межконфессиональных отношений, в роли которого раньше выступала идеология интернационализма. На место образовавшегося вакуума и идеологической дезориентации пришла исламистская идеология (не путать с исламской!), которая, как казалось тогда многим, могла стать объединяющим фактором для мусульман.

В среде трудовых мигрантов появились террористические агентурные сети, спонсируемые ИГ, «спящие ячейки», которые пытаются использовать молодых мусульман из числа трудовых иммигрантов в своих преступных целях. Одной из задач ИГ (организация запрещена в России) является дестабилизация обстановки в России и Центральной Азии, в том числе и с помощью радикальных исламистов, в сети которых часто попадают иммигранты. Велик риск того, что их исключенность из российского общества, изоляция и самоизоляция, могут привести к появлению «параллельных» иммигрантских сообществ, что может способствовать разобщенности групп населения, проживающих и работающих в РФ и снизить сопротивляемость иммигрантов экстремистской идеологии,

усиливая риски их вербовки представителями радикальных и экстремистских групп уже внутри самой РФ.

Заключение (Conclusions). Несомненно, что миграционные потоки, имеющие тенденцию к турбулентности, являются реальностью сегодняшнего дня. Для стареющей Европы миграция является средством самосохранения, как ни парадоксально это не звучит, и возможного экономического подъема, а для стран исхода во многом является решением внутренних социально-экономических проблем. Особую актуальность в сложившейся ситуации имеют характер и направленность миграционных потоков. Миграция «юг»-«север» существовала и раньше, но не носила столь массового характера, и миграционная политика принимающих стран была вполне адаптирована под прибывающих «новых граждан». Но новые политические реалии, а именно: «арабская весна», локальные войны, террористическая деятельность ИГИЛ (запрещена в России) и других радикальных движений усилила миграционные процессы и породило волны беженцев. Иммигранты с иными культурными установками, в большинстве своем исповедующие ислам, оказались не готовы к принятию «европейских ценностей» и скорейшей интеграции в принимающее их общество. Это привело к появлению этно-религиозных анклавов на территории европейских государств, которые предпочли жить по своим правилам и законам, отличных от европейских, что привело к появлению радикальных экстремистских движений внутри мусульманской уммы.

Появление радикального ислама в России носит несколько иной характер и связано, прежде всего, с проблемами социально-экономического порядка, если говорить о регионах Северного Кавказа, Южного федерального округа и некоторых других. Трудовая иммиграция из Центральной Азии также остается фактором религиозной нестабильности в России. Вербовка трудовых иммигрантов членами

террористических организаций происходит часто уже на территории нашей страны в среде таких же иммигрантов. Плохо зная религию, будучи часто идеологически незрелыми, они идут на поводу у вербовщиков. В Россию едут иммигранты, воспитанные в иной парадигме и в иной социокультурной среде. Очень скоро мы можем столкнуться с проблемами по интеграции иммигрантов, которые сегодня пытаются решить страны Европы.

Поэтому необходима социальная работа по линии этнических и культурных представительств, включая языковые курсы и интернациональные мероприятия, способствующие скорейшей интеграции. Нужно дать возможность мигрантам жить в стране пребывания социальной жизнью, а не искать ее суррогат в сектах и радикальных кружках.

И самое главное: нужна прозрачность и ясность в формировании и распределении миграционных потоков, внятная миграционная политика, учитывающая культурные, религиозные, этнические и иные особенности миграционных сообществ и включающая в себя все аспекты жизнедеятельности человека.

Список литературы

Гаджимурадова Г. И. Женская миграция из арабо-мусульманских стран в Европу: причины и современное состояние // *Власть*. 2016. Т. 24, № 12. С. 147-149.

Гаджимурадова Г. И. Система европейских и исламских ценностей в контексте миграции мусульман в Европу // *Власть*. 2017. Т. 25, № 11. С. 177-181.

Гаджимурадова Г. И. Формирование мусульманских сообществ в Европе и возникновение религиозного экстремизма в условиях неконтролируемой миграции // *Власть*. 2016. Т. 24, № 10. С. 194-197.

Цапенко И., Монусова Г. Социальное взаимодействие в условиях этнокультурного разнообразия // *Интеграция инокультурных мигрантов. Перспективы интеркультурализма* / Отв. ред. И. П. Цапенко, И. В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 233 с.

Ланцов С. А. Исламистский экстремизм как угроза безопасности постсоветской Цен-

тральной Азии в начале XXI в. // *Ислам в России: культурные традиции и современные вызовы. Материалы международной научной конференции* / Отв. ред. Т. Г. Туманян. СПб., 2013. 162 с.

Добаев И. П. Ислам и миграции в Европе // *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки СКАГС*. 2015. № 2.

Пономарева А. Мусульмане Европы: прогрессирующий индекс страха // *Индекс безопасности*. 2007. Т. 13, № 3 (83).

Гашков И. «Исламский халифат» в Европе. Почему мусульмане в ЕС заменят христиан. URL: <https://ria.ru/20171201/1509962540.html> (дата обращения: 10.10.2019).

Пинюгина Е. В. Политические риски институционализации Ислама в Европе // *Политическая наука*. 2018. № 4.

Бардин А. Германия: интеграционная политика перед вызовами миграционного кризиса // *Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма* / Отв. ред. И. П. Цапенко, И. В. Гришин. М.: ИМЭМО РАН, 2018. 233 с.

Heinsohn G. *Söhne und Weltmacht Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*. Zürich: Orell Füssli Verlag AG, 2003.

Virkkunen, J. *Borders, Polarisation, and Activisms: Uncovering the Migration-Security Nexus in Finland during the 2015-2016* // *How to deal with refugees? Europe as a Continent of Dreams*; Besier Gerhard (ed.). Berlin: LIT Verlag, 2018.

Pinyol-Jiménez G. *The Migration-Security Nexus in Short: Instruments and Actions of the European Union* // *Amsterdam Law Forum*. 2016. Vol. 4, № 1. Pp. 36-57.

Sam D. L. *Understanding positive immigrant youth adaptation in the context of multiculturalism* // *Journal of Adolescence*. 2018. Vol. 62. Pp. 222-225.

Rodin L. *From othering to belonging: integration politics social intervention and the limits of cultural ideology* // *The Journal of Social Policy Studies*. 2017. Vol. 15. № 4.

References

Gadzhimuradova, G. I. (2016), "Female migration from Arab-Muslim countries to Europe: causes and current status", *Vlast*, 24 (12), 147-149. (In Russian).

Gadzhimuradova, G. I. (2017), "The system

of European and Islamic values in the context of the migration of Muslims to Europe”, *Vlast'*, 25 (11), 177-181. (In Russian).

Gadzhimuradova, G. I. (201), “The formation of Muslim communities in Europe and the emergence of religious extremism in the conditions of uncontrolled migration”, *Vlast'*, 24 (10), 194-197. (In Russian).

Tsapenko, I. and Monusova, G. (2018), “Social interaction in the conditions of ethnocultural diversity”. In: Tsapenko, I. P. and Grishin, I. V. (ed.), *Integration of foreign cultural migrants. Perspectives of interculturalism*, IMEMO RAS, Moscow, Russia. (In Russian).

Lantsov, S. A. (2013), “Islamist extremism as a threat to the security of post-Soviet Central Asia at the beginning of the 21st century”. In: Tumanyan, T. G. (ed.), *Islam in Russia: cultural traditions and modern challenges. Materials of the international scientific conference*, St. Petersburg, Russia. (In Russian).

Dobaev, I. P. (2015), “Islam and Migration in Europe”, *Gosudarstvennoe i munitsipal'noe upravlenie. Uchenye zapiski SKAGS*, (2). (In Russian).

Ponomareva, A. (2007), “Muslims of Europe: a progressive index of fear”, *Indeks bezopasnosti*, 13 (3). (In Russian).

Gashkov, I. “Islamic Caliphate in Europe. Why Muslims in the EU will replace Christians” [Online], available at: <https://ria.ru/20171201/1509962540.html>. (Accessed 10 October 2019).

Pinyugina, E. V. (2018), “Political risks of the institutionalization of Islam in Europe”, *Political Science*, (4). (In Russian).

Bardin, A. (2018), “Germany: integration policy confronted by the challenges of the migration crisis”. In: Tsapenko, I. P. and Grishin, I. V. (ed.), *Integration of foreign cultural migrants:*

prospects for interculturalism, IMEMO RAS, Moscow, Russia. (In Russian).

Heinsohn, G. (2003), *Söhne und Weltmacht Terror im Aufstieg und Fall der Nationen*, Orell Füssli Verlag AG, Zürich, Switzerland.

Virkkunen, J. (2018), “Borders, Polarizations, and Activisms: Uncovering the Migration-Security Nexus in Finland during the 2015-2016”, in Besier, G. (ed.) *How to deal with refugees? Europe as a Continent of Dreams*, LIT Verlag, Berlin, Germany.

Pinyol-Jiménez, G. (2016), “The Migration-Security Nexus in Short: Instruments and Actions of the European Union”, *Amsterdam Law Forum*, 4 (1), 36-57.

Sam, D. L. (2018), “Understanding positive immigrant youth adaptation in the context of multiculturalism”, *Journal of Adolescence*, 62, 222-225.

Rodin, L. (2017), “From othering to belonging: integration politics social intervention and the limits of cultural ideology”, *The Journal of Social Policy Studies*, 15 (4).

Конфликты интересов: у автора нет конфликта интересов для декларации.

Conflicts of Interest: the author has no conflict of interest to declare.

Гаджимурадова Гюльнара Ильясбековна, ведущий научный сотрудник Института социально-политических исследований РАН, кандидат философских наук, доцент кафедры демографической и миграционной политики МГИМО МИД РФ.

Gul'nara I. Gadzhimuradova, Leading Researcher, Institute for Social and Political Studies of the Russian Academy of Sciences, PhD in Philosophy, Associate Professor, MGIMO University of the MFA of Russia.